Э. С. Маркарян

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Представленная статья ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее рассмотрение взятой темы. Основная ее задача состоит в том, чтобы дать определенный материал и стимулы для развертывания общей дискуссии по вопросам, связанным с пониманием природы культурной традиции. В статье поставлены исходные, узловые проблемы темы, решение которых, по мнению автора, в первую очередь необходимо для создания общей теории культурной традиции. Автор не ставил цели выявить и подвергнуть анализу все основные существующие точки зрения по рассматриваемой теме. Они упоминаются и анализируются лишь в той мере, в какой это необходимо для постановки обсуждаемых проблем.

Следует также особо подчеркнуть, что в разработке проблем культурной традиции заинтересованы представители самых различных областей общественнознания, изучающие как процессы генезиса человеческого общества и древней истории, так и современные процессы, выделяющие и отдельные, относительно узкие сферы общественной жизни, и обобщающие процессы ее целостного функционирования и развития. Ориентация на подобную разноплановую аудиторию неизбежно порождает специфические трудности. Выход из этих трудностей мы нашли в вычленении некоторых инвариантных теоретических проблем культурной традиции, носящих фундаментальный характер, и в их абстрактно-аналитическом рассмотрении. Иначе говоря, задача состояла в создании некоего теоретического каркаса, который может быть приложен к различным областям знания, при необходимости дополнен новыми, выражающими их специфику звеньями и заполнен соответствующим материалом.

Некоторые специалисты относятся с определенной опаской к абстрактным рассуждениям. Но следует учитывать, что в принципе без абстрактной характеристики исследуемых объектов не может обойтись ни одна наука. Это тем более важно при их междисциплинарном изучении. Вычленение инвариантных, абстрактных характеристик изучаемого явления недостаточно для его всестороннего изучения. Но это единственный путь для создания междисциплинарной перспективы рассмотрения данного явления и выработки относящегося к нему единого научного языка.

2. К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕДМЕТНЫХ ГРАНИЦ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Для определения объема и содержания понятия культурной традиции остановимся прежде всего на двух довольно типичных точках зрения относительно природы выражаемого им явления, выдвинутых за послед-

ние годы в советской литературе. Одна из них — точка зрения И. В. Суханова, которая последовательно разводит традиции и обычаи. «Обычаи и традиции, — пишет он, — выполняют две общие для них специальные функции: быть средством стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений и осуществлять воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений. Но эти функции, обычаи и традиции осуществляют различными путями. Обычаи непосредственно путем детальных предписаний действий в конкретных ситуациях стабилизируют определенные звенья общественных отношений и воспроизводят их в жизнедеятельности новых поколений. Традиции, в отличие от обычаев, прямо обращены к духовному миру человека, они выполняют свою роль средств стабилизации и воспроизводства общественных отношений не непосредственно, а через формирование духовных качеств, требуемых этими отношениями»¹. Так, если обычаи гостеприимства детально регламентируют отношения между гостем и хозяевами, то традиция творческого отношения к труду или традиция воинской отваги не могут дать детальных предписаний во всех конкретных ситуациях.

Отметим также, что И. В. Суханов вслед за очень многими авторами считает, что понятие «традиция» не охватывает собой юридически регламентированные установления. Традиции (как и обычаи, ритуалы) — это, как он считает, установления, поддерживаемые лишь силой общественного мнения².

Такова суть точки зрения И. В. Суханова. Существует, однако, и другая точка зрения, которая со словом «традиция» связывает, наоборот, именно те формы исторически накопленного человеческого опыта, которые И. В. Суханов исключает из непосредственной сферы форм, относящихся к традиции. Так, в частности, Д. М. Угринович, выделяя «традиционный» способ в качестве одной из форм наследования культуры, далее пишет: «Главной ее особенностью является сам механизм воспроизведения человеческой деятельности: опыт человеческой деятельности приобретает не путем усвоения основных принципов или норм этой деятельности, а путем ее копирования, воспроизведения целых ее отрезков, „кусков“, во всех формах и подробностях»³. Основными же формами традиционной передачи культуры он считает обычаи и обряд.

Итак, перед нами две точки зрения о традиции как специфическом явлении действительности. Обе они трактуют традицию весьма ограниченно, хотя и с диаметрально противоположных позиций. Нам думается, что ни одна из них не дает возможности установить целостный объем и содержание предметной зоны теории культурной традиции, не смотря на то что и И. В. Суханов, и Д. М. Угринович высказывают много интересных соображений по поводу рассматриваемых ими явлений.

Значительно предпочтительнее взгляд на традицию как на интегральное явление, включающее в себя и обычаи, и ритуал, и целый ряд других стереотипизированных форм человеческой деятельности. Эта точка зрения пробивает сегодня дорогу в той или иной степени во многих областях общественнознания, будучи обусловлена познавательной потребностью обобщения данных форм⁴. Центральная задача в связи с

¹ И. В. Суханов. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976, с. 10; 11.

² И. В. Суханов. Указ. раб., с. 25.

³ Д. М. Угринович. Обряды, за и против. М., 1975, с. 15, 16.

⁴ См., например: С. Н. Артановский. Некоторые проблемы теории культуры. Л., 1977, с. 37—40; Э. А. Баллер. Преемственность в развитии культуры. М., 1969; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 68, 69; Л. С. Васильев. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая. — «Роль традиций в истории и культуре Китая». М., 1972; В. Б. Власова. Традиция как социально-философская категория. — «Философские науки», 1980, № 4; В. Е. Давидович, Ю. А. Жданов. Сущность культуры. Ростов, 1979, с. 205; В. М. Массон. Культура в понятийном аппарате археологии. —

представляет собой такую информационную характеристику культуры, которая выражает в одинаковой степени все без исключения сферы общественной жизни в той мере, в какой они несут в себе принятый группой и тем самым социально стереотипизированный опыт. Таким образом, культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах.

Указанный критерий оставляет за рамками традиции все те виды ненаследственного опыта людей, которые не носят группового характера, в частности сферу индивидуальной культуры. Элементы последней могут лишь потенциально быть трансформированы в культурную традицию при условии их социально организованной стереотипизации. Поэтому следует четко дифференцировать два вида стереотипов культуры — групповые и индивидуальные. С другой стороны, тот же критерий дает возможность интегрировать все без исключения социально организованные стереотипы. Он позволяет охватить понятием культурной традиции не только обычаи, ритуалы и социально стереотипизированные ценностные установки, а также ряд иных родственных им форм, но и юридически регламентированные установления. Обычное исключение последних из сферы действия традиции было исторически обусловлено, на наш взгляд, не какими-либо принципиальными соображениями, а сложившейся за последние столетия односторонней специализацией в области общественных наук.

Одним из важных познавательных средств преодоления подобной специализации как раз и выступает сегодня понятие, призванное синтезировать и интегрированно выразить все виды групповых, социально организованных стереотипов человеческой деятельности. Потребность в подобном понятии в современном общественном знании очень велика, и мы не видим другого, более удобного термина для его обозначения, чем «традиция». Важно при этом отметить, что понятийная интеграция социально стереотипизированных форм человеческой деятельности ни в коей мере не означает нивелировки данных форм, игнорирования их различий. Вопрос состоит лишь в том, чтобы различия эти изучались в пределах одного класса явлений, в единой теоретической перспективе. Такая перспектива является предпосылкой значительно более углубленного и систематического изучения различных проявлений групповых стереотипов человеческой деятельности, а также проведения их целенаправленной классификации по различным основаниям. Одна из важных задач теории культурной традиции должна именно в этом и состоять. Подобную классификацию можно, например, проводить по степени длительности существования традиции, по степени жесткости (или лабильности) стереотипизации опыта, по субъектам — носителям этого опыта, по сферам человеческой деятельности, в которых он фиксируется, по средствам его аккумуляции и трансмиссии. Подобная работа у нас в стране уже начала проводиться⁵.

Культурная традиция обычно противопоставляется инновациям, творческому началу активности людей. Подобное противопоставление вполне справедливо, если эти явления рассматривать в статике. В слу-

«Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху». Кемерово, 1976, с. 6, 7; Б. Б. Пиотровский. Значение культурного наследия для развития культуры. — «Новая и новейшая история», 1976, № 1; R. Turner. The great cultural traditions, v. 1, 2. N. Y.—London, 1941.

⁵ И. А. Барсегян. Традиция и коммуникация. — «Философские проблемы культуры». Тбилиси, 1980.

чае же динамического рассмотрения традиции оно оказывается неправомерным, ибо любая инновация, если она принимается множеством входящих в ту или иную группу людей, в результате этого стереотипизируется и сама превращается в традицию. Таким образом, динамика культурной традиции — это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процессов социальной самоорганизации. Важно при этом подчеркнуть органическую взаимообусловленность традиций и инноваций. С одной стороны, инновации служат потенциальным источником образования стереотипов культурных традиций. С другой стороны, последние выступают в качестве необходимой предпосылки креативных (т. е. продуцирующих, создающих новые формы) процессов того фонда, путем отбора и комбинации элементов которого во многом и осуществляются эти процессы. Традиции же обычно и задают им общую направленность.

Специальное исследование процессов самоорганизации предполагает вполне определенные теоретические посылки, в контексте которых эти процессы приобретают смысл и наполняются реальным адекватным содержанием. К числу этих посылок относится адаптивная точка отсчета рассмотрения изучаемых систем. Понятие «адаптация» в данном случае берется в широком общенаучном значении: биологическая адаптация выступает в качестве лишь частного случая адаптивных процессов. В этом широком смысле последние означают способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой⁶.

Рассмотрение культурной традиции под этим углом зрения позволяет взглянуть на данное явление в современной научно-интегративной перспективе, создающей качественно новые возможности исследования его природы и основных свойств. Для того чтобы показать значение этой перспективы, рассмотрим культурную традицию в сравнительно-эволюционном плане в ряду функционально аналогичных ей явлений, связанных с формами аккумуляции жизненного опыта в биологических системах. Весьма часто сопоставление общественных и биологических явлений сопровождалось некритическим, механическим перенесением представлений из биологии в общественное знание и наоборот. Предлагаемый путь исследования культурной традиции ничего общего не имеет с подобным подходом. Цель его состоит во вскрытии инвариантов человеческого общества и биологических систем в виде определенных функциональных и структурных подобий, обусловленных фундаментальными законами самоорганизации. Установление общих закономерностей выступает сегодня мощным средством системного анализа, позволяющего вскрывать глубинные свойства исследуемых явлений, их важнейшие конститутивные признаки. По существу, это марксов метод изолирующей абстракции, подкрепленный достижениями современной науки в области изучения сложноорганизованных систем. Вспомним, например, как К. Маркс охватывал понятием «технология» естественные органы растений и животных.

3. КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ФОРМЫ АККУМУЛЯЦИИ И ПЕРЕДАЧИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА В БИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Традиция, как уже отмечалось выше, связана с аккумуляцией и передачей ненаследственной информации, предполагая формы группового поведения, всецело основанные на научении. Однако хотя традиция по

⁶ Э. С. Маркарян. Интегративные тенденции во взаимодействии естественных и общественных наук. Ереван, 1977.

...лиши, предпосылает его сравнение с процессом аккумуляции и передачи опыта средствами генетических механизмов. Дело в том, что место и роль традиций в процессах развития исторических общностей людей во многом эквивалентны месту и роли генетических программ в процессах эволюции биологических популяций. Есть все основания утверждать, что перед нами функционально и структурно подобные явления. Их подобие как раз и обусловлено действием общих законов самоорганизации, проявлением которых выступают обязательные для любых форм жизни программы деятельности, несущие концентрированный опыт поколений и соответствующие механизмы его отбора и закрепления. Ведь одна из важнейших особенностей живых форм состоит в том, что они, по выражению акад. П. К. Анохина, благодаря использованию информации как основного средства системной организации оказываются способными к опережающему отражению действительности. Иначе говоря, они могут опережающе отражать будущий результат действий и проявлять особую адаптивную избирательно-корректирующую системную активность.

Рассмотренная с этой точки зрения культурная традиция исторических общностей людей представляет собой специфическое проявление группового стереотипизированного опережающего отражения. Принципиально отличаясь от программ биологических популяций своей внегенетической природой, она вместе с тем подобно этим программам выступает в виде генерализованных моделей вероятности протекания соответствующих процессов. Направленные на приспособление к предвидимым в этих моделях условиям будущего культурные традиции, как и генетические программы биологических популяций, ориентированы на существенно важные для выживания, устойчивые, стабильные свойства среды. Благодаря выраженному в программах культурной традиции генерализованному предвидению условий обитания последующих поколений как раз и становится возможным адаптивное социальное воспроизводство людей в его простой или расширенной формах. Этими свойствами культурной традиции и обусловлены прежде всего выполняемые ею стабилизирующие, гомеостатические функции общественной жизни.

Стремясь подчеркнуть отмеченную функциональную общность культурных традиций и программ, передаваемых по законам биологического наследования, А. Г. Спиркин даже называет эти программы *биологической* или *видовой традицией*⁷. Подобное обозначение может быть полезным лишь как сугубо условная метафора, отражающая эту общность, но не более. И дело не только в том, что словом «традиция» нецелесообразно называть явление, базирующееся на механизме биологической наследственности, но и в том, что, как мы увидим ниже, существует *биологическая традиция в прямом значении* этого слова.

Так же как и видовые программы популяций, культурные традиции исторических общностей людей никак не могут предвосхитить всего реального многообразия условий и ситуаций даже самой стабильной среды их существования. Адаптация к непредвиденным культурной традицией многообразным условиям и ситуациям, в которых приходится действовать людям, происходит благодаря актуализации механизма творческих инноваций, выполняющего по сути дела функции мутаций и рекомбинаций генов в процессах биоэволюции. В силу этого человеческие творческие инновации иногда называют в литературе «культурными мутациями». Правда, американский исследователь Александр Алланд считает проведение подобной аналогии неоправданным⁸, но его возражение нам

⁷ А. Г. Спиркин. Человек, культура, традиция.— «Традиция в истории культуры». М., 1978, с. 10.

⁸ А. Alland. Evolution and human behaviour. N. Y., 1977, p. 196.

представляется неубедительным. Ведь, повторяем, при подобных аналогиях речь идет не об отождествлении принципиально различных явлений, а об установлении между ними структурного и функционального подобия. Эвристическая ценность рассматриваемой аналогии состоит в том, что она акцентирует внимание на наличии в процессах биологической и человеческой деятельности функционально подобных механизмов преодоления существующих стереотипных форм и создания новых, т. е. развития систем. Ведь, как мы уже знаем, если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются в культурной традиции. А этот процесс очень напоминает по своей конфигурации закрепление в программах биологической популяции прошедших естественный отбор мутаций генов. Таким образом, определенные звенья культурной традиции выполняют в принципе такие же селективные, стабилизирующие и направляющие функции, какие в процессах биологической эволюции выполняет естественный отбор⁹.

Важно отметить, что наряду с генетическими видовыми программами биоэволюция выработала и иную форму аккумуляции коллективного жизненного опыта. Мы имеем в виду способность высших животных осуществлять трансформацию индивидуального опыта в стадный и его межпоколенную трансмиссию путем подражания¹⁰. Это своего рода биологические традиции. Очень интересные результаты по установлению этих форм получены японскими исследователями в результате систематических наблюдений за стадами макак в течение последних десятилетий¹¹. Мы назвали эти формы «прототрадицией» в силу их внегенетической и групповой природы, а также по причине того, что они явились непосредственной стартовой площадкой для формирования культурных традиций¹². Несмотря на лишь вспомогательный характер прототрадиций для процессов эволюции соответствующих биологических видов, их исследование представляет очень большой интерес.

Родственность биологических традиций и традиций культурных ни в коей мере не означает их тождественности. Следует постоянно иметь в виду качественное отличие этих двух форм групповой аккумуляции и трансмиссии опыта. Разница между ними состоит не только в том, что объем аккумуляции и закрепления внегенетически приобретенной информации у животных неизмеримо мал по сравнению с социально стереотипизированным опытом людей, но и в содержании этих систем опыта, базирующихся на различных средствах их фиксации, хранения, преобразования и передачи. Культурные традиции представляют собой принципиально новый этап организации и воспроизводства деятельности живых систем, обусловленный глубочайшими преобразованиями, которые претерпели наши животные предки в результате постепенного вступления на путь трудовой, материально-производственной активности. Этот этап выразился в выработке сложнейшей системы механизмов деятельности, интегрированных в культуру. Решающее значение для появления культурной традиции имело формирование речевого мышления. Базирующийся на нем человеческий язык создал совершенно новые возможности для фиксации, хранения, преобразования и трансмиссии жизненного опыта. Это привело к особому типу «социального наследования»¹³. Данный тип наследования, выраженный в культурной традиции, некоторыми

⁹ K. Čistov. 1976. Die Variabilität als Problem, der Theorie der Folklore.— «Létopis», Reihe C — Volkskunde, № 19. Bautzen, 1976.

¹⁰ Я. К. Ребане. О биологических предпосылках «социальной памяти». — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та». В. 273. «Труды по философии», XV. Тарту, 1971, с. 55; К. Э. Фабри. Основы зоопсихологии. М., 1976, с. 196.

¹¹ J. Kitahara-Frish. Considerations on the subcultural behaviour of Japanese macaques.— «Morphology, Evolution, Primates». Tokyo, 1977.

¹² Э. С. Маркарян. Указ. раб., с. 196.

¹³ Н. П. Дубинин. Социальное и биологическое в современной проблеме человека.— «Вопросы философии», 1972, № 10, с. 5, 6.

было названо выше прототрадицией. Но удельный вес этих форм крайне незначителен в общем процессе биологической эволюции по сравнению с генетически фиксированным жизненным опытом, выступающим в качестве информационного фундамента этой эволюции. В человеческом же обществе, наоборот, именно социальное наследование в виде культурных традиций является всецело господствующей формой аккумуляции и трансформации группового опыта. Что касается генетически передаваемого опыта, то он, естественно, продолжает иметь место в деятельности людей как биологических существ. Но не он определяет специфические проявления общественной жизни.

Системное исследование динамики культурных традиций на базе сравнительного анализа с аналогичными информационными процессами в биологических системах и выявление инвариантов самоорганизации позволяет, на наш взгляд, подойти к правильному решению одной из наиболее спорных проблем обществознания, имеющей фундаментальное значение для него. Это проблема обоснования общества в качестве специфической «естественной» системы¹⁵ и соотношения «естественного» и «искусственного» в процессах человеческой деятельности. Тут не место подробно рассматривать эту проблему. Отметим лишь, что возникновение самоорганизующихся систем привело к выработке особой формы проявления «естественности» процессов, которая характерна и для человеческого общества. Такой формой является групповая стереотипизация деятельности, которой сопровождается принятие любых биологических или же социокультурных нововведений в ходе адаптивного взаимодействия со средой. Эти нововведения, т. е. мутации и рекомбинации генов, с одной стороны, и культурные инновации — с другой, как раз и выступают проявлением «искусственного» в процессах самоорганизации жизни, в отличие от принятых групповых стереотипов — «естественного состояния» биологических популяций и единиц социокультурного развития¹⁶.

4. ОБЩИЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Проблема комплексного исследования систем культурных традиций предполагает прежде всего установление границ этих систем и их основных составляющих. В начале статьи, затронув этот аспект проблемы, мы пришли к выводу, что под культурными традициями целесообразно понимать любые стереотипно выраженные массивы группового опыта людей. Но имеется и другой важный, но значительно менее разработанный аспект. Напомним в связи с этим, что весьма часто под культурными традициями понимается лишь специфический характер исторически приобретенного теми или иными народами опыта. При этом подобное понимание не столько теоретически обосновывается, сколько интуитивно предполагается как нечто само собой разумеющееся. В действительности же это весьма одностороннее понимание культурной традиции. Оно выражает лишь один слой исторически аккумулированного опыта. Целостные же реально существующие системы культурных традиций включают в себя как опыт, общий для различных исторических общностей, так и индивидуальный опыт каждой из них.

Отсюда вытекает важная задача четкого понятийного выражения отмеченной двуслойности культурных традиций. Потребность в таком различении неизбежно возникает в комплексном историческом исследо-

¹⁴ К. Лоренц. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах. — «Природа», 1969, № 11, с. 48.

¹⁵ Э. С. Маркарян. Указ. раб., с. 32, 33.

¹⁶ Ср. Г. Саймон. Науки об искусственном. М., 1972, с. 5, 16, 73.

вании, но предложенные в связи с этим понятийные системы не представляются нам удовлетворительными. Так, например, Г. Ф. Салтыков, столкнувшись с рассматриваемой проблемой, предложил делить традиции на общечеловеческие и традиции того или иного народа¹⁷. Но, во-первых, общность традиций может и не иметь общечеловеческого характера, охватывая лишь определенное множество человеческих объединений. Во-вторых, индивидуальный опыт последних может относиться не только к этносам, но и к любым более или менее длительно существующим коллективам людей. Поэтому одно из основных требований, предъявляемых к обсуждаемой понятийной схеме, должно состоять в том, чтобы она была способна охватывать все без исключения возможные случаи проявления интересующих нас объектов. Поэтому мы предложили дифференцировать массивы культурных традиций на их «общие» и «локальные» компоненты¹⁸.

В связи с рассмотрением проблемы общих традиций следует иметь в виду, что в целом существует три разных источника общности явлений культуры. Один из них связан с действием идентичных законов функционирования и развития обществ, результатом чего и может стать выработка сходных явлений. Другим источником общности может быть единство происхождения. Наконец, общность культурных явлений может быть итогом диффузии. Последний источник выражает очень важное специфическое свойство истории человечества. Американский антрополог М. Салинс отмечает, что культурная вариация в отличие от биологической может быть передана путем диффузии и в результате различные культурные традиции могут образовывать соединения между собой. Более того, продолжает он, порой частичная филогенетическая последовательность имеет место между последовательными общими стадиями культурной эволюции, без прохождения промежуточных этапов развития. В противоположность этому биологические популяции могут только (в лучшем случае) двигаться по пути все большей специализации, которая является по своей природе тупиком дальнейшего прогресса¹⁹.

Говоря об общих культурных традициях, мы имеем в виду именно результат этой передачи опыта, который из достояния одной исторической общности становится достоянием других. Правда, следует учесть принципиальную возможность межпопуляционной передачи внегенетически выработанного стадного опыта. Но, во-первых, подобная передача возможна, по всей видимости, лишь в пределах соседних популяций одного вида. Во-вторых, объем переданного опыта, будучи весьма малым, не может иметь сколько-нибудь существенного видового значения. Хотя в процессах взаимодействия обществ друг другу передается далеко не весь присущий им опыт и существует значительная избирательность в его восприятии и заимствовании²⁰, но последствия таких взаимодействий имеют в целом для истории человечества огромное значение. Общие традиции, как уже было сказано, могут носить универсальный для всего человечества характер или быть достоянием определенного множества обществ.

Что касается локальных традиций, то в них фиксируется специфический жизненный опыт человеческих объединений, отражающий индивидуальную конфигурацию их исторических судеб и особых условий

¹⁷ Г. Ф. Салтыков. Традиция, механизмы ее действия и некоторые ее особенности в Китае.— «Роль традиций в истории и культуре Китая», с. 6.

¹⁸ Э. С. Маркарян. Культурная традиция и задачи дифференциации ее общих и локальных проявлений.— «Методологические проблемы исследования этнических культур». Ереван, 1978.

¹⁹ М. Sahlins. Evolution: specific and general.— «Theory in Anthropology». Chicago, 1968.

²⁰ Э. С. Маркарян. Рецензия на книгу «Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий».— «Философские науки», 1979, № 5, с. 96.

ших функций локальных традиций — это поддержание стабильности и воспроизводство обществ как специфических систем, обладающих своей неповторимой физиогномикой²¹. Без осуществления данной функции неизбежно растворение любого общества в окружающей исторической среде. Слой же социально организованного опыта, который выражается понятием общей традиции, в процессе своего воспроизводства призван поддерживать стабильность человеческих коллективов безотносительно к их локальной специфике.

Сложность проблемы, однако, состоит в том, что в реальной действительности общие и локальные культурные традиции находятся в нерасторжимом единстве. Их расчленение порой оказывается возможным лишь благодаря специальным аналитическим усилиям. При этом часто локальные традиции придают неповторимый облик общим традициям. Отдельные, носящие общий характер, элементы исторического опыта могут повторяться в традициях множества народов. Суть вопроса, однако, состоит в том, как эти элементы опыта вписаны в общую систему рассматриваемых традиций и какие комбинации они образуют с другими их элементами. В этой особой системной комбинаторике элементов опыта следует прежде всего видеть причину индивидуальной неповторимости культур. Этническая маркированность последних и явилась, по-видимому, главным основанием отмеченного мнения, что понятие культурной традиции связано лишь со специфически характерным для того или иного народа жизненным опытом.

Очень важно указать на относительность различения «общих» и «локальных» культурных традиций. Все в данном случае зависит от общего задаваемого поля исследования. Если в качестве такого поля берется мировая история в целом, то понятие общей традиции будет выражать уровень опыта, универсального для всего человечества, или же тех или иных его эпох и ступеней развития. Понятие же локальной культурной традиции в этой исследовательской перспективе будет призвано выразить специфику любого регионального по отношению к заданному полю опыта человеческих объединений.

Если же в качестве задаваемого поля исследования берется тот или иной культурный регион, то понятие общей культурной традиции будет выражать уже уровень исторического опыта людей, являющегося общим достоянием для этого выделяемого поля рассмотрения человеческих коллективов. Понятие же локальной культурной традиции будет призвано воспроизвести специфический опыт, характерный для более узких региональных единиц, в рамках задаваемого поля исследования. Ими могут быть, например, европейский или латиноамериканский регионы, отдельные входящие в них страны или же их соответствующие подразделения. Благодаря этому мы получаем достаточно гибкую и варьируемую в зависимости от поставленных задач понятийную схему, приложимую к любым познавательным ситуациям, выдвигающим задачу соотнесения общих и локальных характеристик культурных традиций²².

Общие и локальные культурные традиции относительны и в том смысле, что отдельные компоненты той или иной локальной традиции,

²¹ Э. Л. Мелконян. Некоторые аспекты изучения этнических культур. — «Философские проблемы культуры».

²² По аналогичному принципу относительности мы предложили построить понятийную схему, выражающую общие и локальные исторические типы культур: Э. С. Маркарян. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур. — «Методологические проблемы исследования этнических культур», с. 13, 14; *его же*. К проблеме осмысления локального разнообразия культуры. — «Сов. этнография», 1980, № 3, с. 70, 71.

выражая индивидуальный неповторимый опыт соответствующих исторических общностей людей, могут со временем стать достоянием всего человечества. Или же наоборот, те или иные культурные характеристики, присущие человечеству в целом на каком-то этапе его развития, со временем могут приобрести локальный характер.

Дифференциация общих и локальных компонентов в целостных массивах культурных традиций выступает в качестве очень важного условия их познания. Ведь предпосылкой достижения плодотворного научного синтеза объектов является учет и анализ их составных частей. В интересующем нас случае без соответствующих аналитических средств дифференциации общих и локальных культурных традиций невозможно получить и требуемое синтезированное представление об этих системах. Конкретную методологию проведения системных исследований культурных традиций в указанном плане еще предстоит создать. Введение понятий общих и локальных традиций как раз и позволяет, на наш взгляд, сделать определенный реальный шаг в данном направлении.

5. ДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛЫЕ И СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХИ

Динамизм современной эпохи у многих создает впечатление того, что культурные традиции перестали играть в ней сколько-нибудь существенную роль. Это впечатление иллюзорно. Культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости. Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима. Правда, временная длительность социально стереотипизированных форм опыта стала, как правило, значительно короче, чем это было в прошлые эпохи истории человечества. Для многих из них признак *межпоколенной* передачи опыта, который обычно связывается с понятием традиции, уже не является характерным, ибо они могут заменяться (порой неоднократно) в рамках одного поколения. С другой стороны, выраженные в этих формах типовые варианты неизмеримо усложнились и увеличились.

В связи с указанной спецификой современной эпохи возникает вопрос о том, является ли это достаточным основанием для того, чтобы при общей характеристике действующих в современности социально организованных форм опыта вводить какое-то новое понятие дополнительно к понятию «традиция». Думается, что такой необходимости нет, ибо общая природа и функция этих форм, механизмы их образования и замены остались в принципе теми же самыми. Постоянное обновление, трансформация и выработка новых социально организованных моделей деятельности людей, хотя и ставят совершенно новые проблемы перед человечеством, тем не менее не ведут к изменению самого принципа их действия.

Вместе с тем различия в проявлении культурной традиции в прошлые и современную эпохи заслуживают самого пристального внимания и изучения. Они должны быть соответствующим образом классифицированы, типологизированы и проанализированы. Но все это опять-таки должно производиться в пределах данного круга явлений, интегрируемого понятием «традиция».

Понять суть различий проявления культурных традиций в прошлые и современную эпохи помогает общая модель, предложенная Б. М. Бернштейном при характеристике художественной культуры²³. В основу ее положена мера актуализации предшествующего опыта, или, иначе, «коэффициента актуализации». Значение последнего Б. М. Берн-

²³ Б. М. Бернштейн. Выражение этнической специфики в художественной культуре.— «Методологические проблемы исследования этнических культур».

что из созданного ранее не потребляется, актуальны только на данном этапе возникающие модели деятельности («абсолютно новаторская культура»). В данном случае мы имеем дело с идеализированной моделью, ибо в действительности не существует ни «абсолютно консервативных», ни «абсолютно новаторских» культур. Но эта модель полезна, ибо идеализация полярных точек позволяет осмыслить определенную, реально направленную ориентацию культур в соответствующие эпохи, доминирующие в них тенденции и тяготения.

В первом случае, характерном прежде всего для первобытных эпох, культура стремится к максимальной актуализации наследия, и традиция по существу охватывает весь сохраняемый опыт коллектива. Упорядоченная решетка традиции, по словам Б. М. Бернштейна, «штампуется» соответствующие структуры сознания и стереотипы деятельности в последовательности сменяющих друг друга поколений, создавая повторяющиеся формы, которые обладают высокой инвариативностью. Здесь «коэффициент актуализации» стремится к единице.

Во втором случае, характерном прежде всего для современной эпохи, в культуре существует ряд одновременно действующих вариантов традиций, отличных друг от друга по аккумулярованному в них материалу и способу структурной организации. Этому типу культур присуща крайняя динамичность. Кажется, что они стремятся к тому пределу, где «коэффициент актуализации» равен нулю. Но достижение такого предела означало бы их распад.

Эти полярные тенденции действия культурных традиций, обрисованные Б. М. Бернштейном, позволяют смоделировать ряд иных типичных промежуточных вариантов в истории человечества. Мы не будем рассматривать эту саму по себе интересную проблему и сконцентрируем внимание на процессах аккумуляции и трансляции социального опыта в современную эпоху с целью выявления качественно новых, крайне важных тенденций, которые проявились в этих процессах и требуют своего тщательного анализа. Отметим, что хотя резкое уменьшение временной длительности культурных традиций не меняет их общей природы, тем не менее это существенным образом сказывается на процессах адаптивного взаимодействия общества со средой и требует выработки особого рода контролирующих и направляющих механизмов. Дело в том, что в прошлом относительно медленные темпы общественного развития позволяли моделям деятельности, закрепленным в культурных традициях, проходить определенную проверку временем. В случае адаптивной эффективности этих моделей они обычно продолжали действовать до тех пор, пока не происходило нарушение баланса со средой. На этом принципе и основан господствовавший в прошлые эпохи традиционалистский способ регуляции процессов общественной жизни, для которого характерны постепенное эмпирическое накопление, преобразование и трансляция из поколения в поколение адаптивно значимой информации.

Существенное же уменьшение временной длительности действия культурных традиций не дает, как правило, возможности выявить в полной мере последствия воздействия соответствующих социально организованных моделей деятельности на среду. Поэтому вероятность значительного усиления обратного дезорганизующего воздействия среды на общество в результате кумуляции деструктивных эффектов в очень высокой степени возрастает.

Такие явления в процессах самоорганизации имеют место всегда, в связи с чем, по-видимому, можно говорить о законе кумуляции деструктивных эффектов в системе в процессах ее взаимодействия со средой. Но степень подобной кумуляции и ее дезорганизующего воздействия на са-

моорганизующиеся системы находятся в прямой зависимости от темпов их развития, возрастая вместе с ними. Это обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что при значительном ограничении временной длительности соответствующих принятых стереотипов деятельности не успевает должным образом срабатывать механизм обратных связей. Очевидно, наличие этой закономерности выступает в качестве одного из наиболее существенных объективных препятствий неограниченному ускорению динамики самоорганизующихся систем.

При резкой акселерации динамики общественного развития единственной альтернативой традиционалистскому способу регуляции может выступить научно обоснованное управление социальными процессами, постоянное контролируемое воздействие на них. Этот способ регуляции должен базироваться уже не на постепенном эмпирическом накоплении, преобразовании и трансляции из поколения в поколение адаптивно значимой информации. Он должен выражаться в постоянно обновляемом с помощью научного поиска, совершенствуемом и корректируемом получении информации об объектах, включенных в сферу социальной практики. Средства научно обоснованного управления социальными процессами различны. Мы для целей нашего дальнейшего анализа хотели бы выделить одно из таких средств, наметившихся за последнее время. Это имитационное прогностическое моделирование общественных процессов, ставящее перед собой задачу установления возможных альтернатив развития исследуемой системы и выбора из них оптимального, имеющего наибольшую адаптивную ценность. Оно осуществляется путем широкого использования ЭВМ и методов системного анализа. Данное средство сегодня ассоциируется с прогностическим моделированием социальной динамики глобального уровня (глобальное моделирование), поскольку применительно к обществу оно было вызвано к жизни и сформировалось под непосредственным стимулирующим воздействием острых современных проблем общечеловеческого характера. Но в принципе этот тип исследования не зависит от масштаба системы и может проводиться на самых различных уровнях рассмотрения общественной жизни людей.

В данной статье мы не стремимся к подробной характеристике глобального моделирования, которому посвящена уже значительная литература²⁴. Цель наша состоит сейчас в выявлении ряда важных свойств данного типа исследований, способных помочь наведению мостов между ним и исследованием культурных традиций. Это крайне необходимо в силу ряда причин. Отметим прежде всего то обстоятельство, что тип исследований, выраженный в глобальном моделировании, представляет собой качественно новый механизм самосохранения общественной жизни, новую форму опережающего отражения действительности, дополняющую иные характерные для общества формы, в частности форму группового стереотипизированного опережающего отражения, которая осуществляется благодаря образованию культурных традиций. Глобальное моделирование как форма опережающего отражения адекватна уникальной динамике современной эпохи, которая, как мы уже знаем, не позволяет надлежащим образом срабатывать механизму обратных связей в процессах социальной самоорганизации, ибо результаты тех или иных социальных действий просто не успевают проявиться еще в должной мере. Из-за этого не поступает и адекватная информация с соответствующих процессах, необходимая для принятия надлежащих решений и проведения требуемых поведенческих коррекций.

Глобальное моделирование ставит перед собой ряд связанных между собой задач. Одна из главнейших среди них состоит в том, чтобы на

²⁴ Д. М. Гвишиани. Методологические проблемы моделирования глобального развития. — «Вопросы философии», 1978, № 2.

из первой, фундаментальная задача состоит в том, чтобы путем проигрывания различных сценариев мировой динамики находить оптимальный в существующих условиях путь развития человечества и тем самым предлагать стратегию его самосохранения и дальнейшего прогресса.

По существу, имитационное моделирование социальных систем глобального и регионального уровней является моделированием адаптивного поведения этих систем, призванным давать рекомендации для их адаптивной самокоррекции. Обеспечение оптимального адаптивного саморегулирования человечества и его подсистем в многообразных динамично изменяющихся и порой совершенно неожиданно возникающих ситуациях среды — такова стратегически наиболее важная комплексная проблема, на решение которой должны быть в конечном итоге направлены усилия представителей всех основных групп наук. И не случайно исследования по глобальному моделированию представляют собой научно-интегративный поиск качественно нового типа, предполагающего тесную кооперацию общественных, естественных, технических и математических наук²⁵.

Важно при этом подчеркнуть, что возникновение этого и иных средств научно обоснованного управления социальными процессами ни в коей мере не означает собой замены способа их регуляции, основанного на механизме культурной традиции. Достаточно отметить, что само возникновение этих форм обязательно предполагает актуализацию механизма культурной традиции, ибо лишь путем стереотипизации опыта он может стать общим научным достоянием и выразиться в соответствующих направлениях науки и управленческой практики. Сочетание механизма культурной традиции с иными вырабатываемыми современной эпохой механизмами социального самосохранения — это вопрос, требующий специальных исследований. Мы бы хотели в заключение обратить внимание лишь на один аспект этого вопроса. Он состоит в установлении роли исследований культурных традиций для эффективного проведения имитационного моделирования социальных систем и претворения в жизнь полученных выводов и научных рекомендаций.

6. ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Значение исследований культурных традиций для получения эффективных прогнозов обусловлено тем обстоятельством, что будущее системы неразрывно связано с настоящими и прошлыми ее состояниями и обусловлено ими²⁶. Однако эта обусловленность не однозначна, ибо развитие таких сложнейших образований, как социокультурные системы, носит вероятностный характер. Существует целый спектр возможных траекторий, по которым может осуществляться развитие системы в зависимости от конкретных обстоятельств; соответствующая их комбинация и производит выбор направления действительного пути развития. Но все дело в том, что спектр этот отнюдь не произволен и во многом зависит от русла, проложенного системой в общем эволюционном поле человечества, и тех реальных предпосылок и потенций, которые вырабатываются в пределах этого русла. Массивы культурных традиций как

²⁵ Э. С. Маркарян. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. — «Системные исследования. Методологические проблемы». М., 1980.

²⁶ Н. И. Лапин. Социальные проблемы — ядро специализированной концепции глобального моделирования. — «Социологические аспекты глобального моделирования. Сборник трудов Всесоюзного научно-исследовательского ин-та системных исследований», в. 6. М., 1979, с. 5.

раз и выступают в качестве образований, концентрированно несущих в себе эти исторически выработанные потенции и предпосылки. В определенной степени они так же, как и видовые программы биологических популяций, обуславливают наиболее вероятные траектории развития систем. Но лишь в определенной, ибо, как мы знаем уже, биологические популяции являются в целом информационно замкнутыми системами с точки зрения возможностей заимствования ими жизненного опыта других видов. Видовые программы, накладывая на них жесткие ограничения, однозначно определяют собой те русла движения, лишь в рамках которых в зависимости от конкретно складывающихся ситуаций может быть намечен спектр возможных альтернативных траекторий эволюции биологических систем.

Для человеческих коллективов, способных к обмену историческим жизненным опытом, их культурные традиции не являются столь жесткими ограничителями в выборе путей дальнейшего развития. Общее поле, в рамках которого происходят в данном случае процессы отбора и выработки траекторий развития, значительно шире, чем в процессах биоэволюции. Правда, это поле отнюдь не является постоянной величиной. Его «площадь» задается в каждом случае конкретно-исторически, находясь в непосредственной зависимости от реальных процессов взаимодействия рассматриваемых обществ и их интенсивности. Следует также различать в каждом случае актуальное и потенциальное поле взаимодействия. Сегодня, например, таким потенциальным полем для существующих обществ является все человечество в целом.

И тем не менее, несмотря на указанные ограничения, роль культурных традиций в процессах выработки траекторий социального развития весьма велика. Их учет потенциально может иметь очень большое прикладное значение. Как это ни парадоксально, но именно современная эпоха с ее мощными унифицирующими тенденциями с особой остротой выдвинула проблему научного исследования локального параметра культуры человечества. В течение определенного периода эти тенденции у многих создавали иллюзию того, что локально выработанные традиции (этнические, субэтнические, суперэтнические) являются чем-то вроде эпифеномена истории, ее несущественного продукта, который можно и не принимать во внимание. Жизнь, в частности практика международных отношений, разрушила эти представления. Стало совершенно очевидным, что учет локального параметра, выражающего индивидуально-неповторимое своеобразие истории, становится в наши дни одним из важнейших условий научно обоснованного управления социальными процессами.

На это обстоятельство совершенно справедливо обратил внимание В. М. Гохман, отмечая, что исследования в этой области необходимы как для практики социалистического строительства, так и для научного объяснения процессов, происходящих за рубежом. По его мнению, одна из причин недостаточного внимания к изучению культурных особенностей у нас в стране заключается в том, что в известной ленинской формуле о культуре социалистической по содержанию и национальной по форме исследователи нередко недооценивали значение формы. Априори считалось, что различия в формах культуры быстро сойдут на нет, тогда как в действительности многие из них оказались весьма устойчивыми²⁷. Эта устойчивость, цепкость многообразных этнических форм культуры, процессы их воспроизводства в самых различных ситуациях общественной жизни показаны во многих публикациях. Очень удачно и наглядно эти формы и процессы выявлены, в частности, в очерках В. Е. Овчинникова о Японии и Англии.

²⁷ В. М. Гохман. Выступление за круглым столом на тему: «Предмет и метод истории культуры». — «История СССР», 1979, № 6, с. 139.

закономерно разнообразие биологической жизни. Отсутствие биологического видообразования в процессах развития человечества как раз и делает необходимым его социокультурное локальное разнообразие. Это объясняется прежде всего тем, что потенции, заключенные как в биологическом, так и в социокультурном типах организации, могут быть выявлены лишь во множестве эволюционных форм, путем их регионального самоограничения и выработки соответствующих комплексных, локально специализированных способов существования, которые могли бы отразить конкретные условия осваиваемой среды обитания. Каждая культура, пишет по этому поводу Т. П. Григорьева, имеет свою почву, свою географическую среду, в силу чего всякая культура имеет свою специфическую окраску, причем это специфическое есть проявление общего, общечеловеческого как сущности явления²⁸.

Источники выработки локального своеобразия культур могут быть самыми различными, но, закрепляясь в традициях, это своеобразие становится достоянием той или иной исторической общности, воздействует на поведение ее членов и проявляется в нем. Люди, замечает в связи с рассмотрением данной проблемы С. А. Арутюнов, повсюду трудятся, воспроизводят средства своего существования, обеспечивают себя пищей, жилищем и одеждой, организуют среду своего обитания, воспроизводят самих себя, т. е. рождают и воспитывают детей, отдыхают, спят и т. д. Все это разные виды человеческой деятельности, идентичные для всех людей по своему основному содержанию. Но формы, которые принимает он свою мысль — различны, специфичны. Даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются у человека разными приемами²⁹.

Современная социальная практика требует выхода на новые рубежи исследования локальной поливариантности культуры. Эти рубежи связаны прежде всего с переходом от установления локальных различий культур и их исторической обусловленности к вероятностному анализу их поведенческого значения и возможных последствий в разнообразных социально-практических ситуациях. Лишь на базе подобного вероятностного анализа возможно эффективное проведение многих широких практических мероприятий на глобальном и региональном уровнях, необходимость которых возникла в современную эпоху. Очень важно при этом там, где это возможно, научиться изменять и преобразовывать традиции в соответствии с требованиями складывающихся ситуаций. Осуществление же отмеченной задачи неразрывно связано с системным, целостным анализом динамики культурных традиций, к которому современная наука еще недостаточно подготовлена. За последнее время методы вероятностного прогнозирования нашли достаточно широкое применение в области психологии в связи с задачей использования индивидуального опыта³⁰. Сегодня же возникла острая необходимость приложения данных методов к групповому опыту людей, выраженному в соответствующих традициях. Эффективная реализация данной задачи потребует выхода на новые рубежи исследования человеческой деятельности и культуры, в частности локального аспекта последней.

Вообще следует указать на то, что значительный рост интереса к локальной поливариантности культуры выявил в то же время все несо-

²⁸ Т. П. Григорьева. Японская художественная культура. М., 1979, с. 18.

²⁹ С. А. Арутюнов. Этнографическая наука и изучение культурной динамики.— «Исследования по общей этнографии». М., 1979, с. 25.

³⁰ «Вероятностное прогнозирование в деятельности человека». М., 1977.

вершенство принципов и методов его изучения. В течение длительного времени в этой сфере исследования господствовали чисто описательные, а также феноменологические методы, основанные на внутреннем постижении и сопереживании исследователями соответствующих индивидуальных форм культуры, интуитивном восприятии их стилевых особенностей. Несомненно, сам по себе феноменологический подход вполне правомерен, а при постановке определенных задач просто незаменим. Но в интересующем нас случае требуется как раз подход, способный в системе достаточно строго разработанных понятий выразить локальный, индивидуально-неповторимый опыт исторических общностей, зафиксированный в этнических и иных локальных традициях, и, что очень важно, представить единицы этого опыта как сопоставимые объекты.

Хотя в ряде областей знания, таких как этнография, археология, география культуры, в исследованиях по истории ряда стран и народов, сделано уже много интересного в направлении научного изучения локального своеобразия культуры человечества, тут пока имеется много существенных пробелов, весьма важных неразработанных проблемных зон, связанных с осмыслением научных средств исследования этого разнообразия. Фундаментальной среди них следует несомненно считать проблемную зону, отражающую необходимость выработки адекватных познавательных средств, способных системно и пропорционально выразить сочетание локальной вариативности культурно-исторического процесса с его общими закономерностями и сторонами. Наиболее слабо разработанным звеном тут является проблема системной индивидуализации культур³¹.

Потребность в соответствующих базовых принципах и понятиях, способных пропорционально, достаточно строго и четко выразить системное единство локального своеобразия культур и их общих характеристик, проявляется сегодня во многих областях науки и управленческой практики. Именно через призму подобных принципов и понятий должны быть рассмотрены и обобщены имеющиеся знания о локальных формах культуры для того, чтобы они могли соответствовать задаче целостного, системного изучения массивов культурных традиций. В этом случае научная и научно-прикладная ценность данных знаний неизмеримо возрастает. Ведь следует учесть, что до сих пор материал о локальных формах культуры собирался, анализировался и обобщался главным образом под углом зрения познавательных задач различных дисциплин. Подобный подход, позволяя углубляться в соответствующие сферы культуры, неизбежно во многом игнорировал многочисленные реальные связи, существующие между ними. В результате органически единая система культуры как бы разрывалась на множество частей, а информация о ней выступала обычно в виде мало связанных друг с другом фрагментов знания. Поэтому, как бы ни были важны и интересны содержащиеся в них сведения, они в этом своем виде оказываются неспособными дать целостное представление о локальных параметрах культур, не говоря уже об их системном сочетании с их общими характеристиками. Тем более в таком специализированном виде знания о традициях не могут быть сколько-нибудь эффективно использованы и в комплексных управленчески-прикладных целях, ибо последние значительно повышают требования не только к строгости выражения знаний, но и к системности их выражения. Между тем знания о культурных традициях, как уже отмечалось выше, имеют потенциально очень большое прикладное значение, ибо именно культурные традиции позволяют связать в единый узел

³¹ Э. С. Маркарян. Рец. на книгу «Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий», с. 109—113.

ций как раз в принципе и позволяют ввести историческое измерение в создаваемые сегодня прогностические модели. Поэтому данные исследования сегодня необходимо органически связывать с имитационным моделированием социальных систем разных уровней. А историческое измерение является пока одним из наиболее слабых звеньев существующих глобальных моделей. Напомним, что первые исследования в этой области, выполненные под руководством Дж. Форрестера и Д. Медоуза, вообще в очень малой степени учитывали реальное общетипологическое и локально-типологическое многообразие современного человечества. И хотя авторы созданных после них глобальных моделей (начиная с модели М. Месаровича и Э. Пестеля) стремились преодолеть этот существенный недостаток модельных представлений о человечестве путем подразделения его на соответствующие регионы, еще очень многое предстоит сделать, чтобы этот тип исследований приобрел действительно историческое измерение. Следует, в частности, иметь в виду, что выделяемые в глобальных моделях регионы рассматриваются пока статично, процессы их развития обычно выпадают из поля зрения³². Думается, что исследования динамики региональных традиций как раз и позволят преодолеть эту статичность.

Для того чтобы сделать более понятным значение исследования культурных традиций для глобального моделирования, следует вновь обратиться к его исходному принципу. Как мы помним, он состоит в выдвижении различных возможных альтернатив развития моделируемой системы с целью выбора среди них оптимальной в соответствующей ситуации. Но предположим, что выдвинута определенная, научно вполне обоснованная оптимальная экологическая стратегия развития человечества. Однако одно дело абстрактно-идеализированные выкладки, учитывающие оптимальность процессов социальной самоорганизации в экологическом плане с точки зрения законов этой самоорганизации, взятых в их чистом виде, другое — реальный мир с его ограничениями, которые могут воспрепятствовать полной реализации выдвинутого плана действий. Наряду с учетом наиболее существенного и определяющего в данном случае общественно-формационного фактора немалую роль могут сыграть исследования локальных традиций соответствующих региональных комплексов, стран и народов. Поэтому при приближении абстрактно-идеализированно сформулированных экологических рекомендаций по глобальному развитию человечества к наличной ситуации его существования со всей ее противоречивостью и разнообразием³³ очень важно учесть наиболее вероятные траектории региональной динамики, обусловленные соответствующими исторически выработанными культурными традициями.

Но существует и другая сторона, связанная с обратным стимулирующим воздействием, которое может оказать рассматриваемый тип исследования на изучение культурных традиций. Имитационное прогностическое моделирование социальных систем, использующее в арсенале своих исследовательских средств наиболее передовые методы анализа сложноорганизованных систем, естественно предъявляет изучению культурных традиций качественно новые требования. Одним из важнейших среди них является требование системного изучения соответствующих массивов культурных традиций и достаточно строгой формулировки основных результатов и выводов проводимых исследований, чтобы их

³² Д. М. Гвишиани. Указ. раб., с. 21.

³³ Э. С. Маркарян. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. — «Системные исследования. Методологические проблемы».

можно было бы использовать в глобальном и региональном моделировании.

Рассматривая данную проблему, нельзя не обратить внимания на неожиданные и стремительные трансформации, происходящие в соотношении традиционно выработанных групп наук. Мы уже отмечали, что исследования по глобальному моделированию представляют собой пример качественно нового научно-интегративного поиска, неизбежно ведущего к тесной кооперации и синтезу идей общественных, естественных, технических и математических наук, причем в этот поиск со стороны общественности включаются не только теоретические науки, такие как социология, политическая экономия, формирующаяся на наших глазах культурология. Сегодня, при внимательном взгляде, достаточно ощутимо начинают вырисовываться каналы, по которым в процесс отмеченного интегративного взаимодействия наук в качестве вполне равноправного партнера будет включаться и историческая наука. Ведь прежде всего последняя в лице ее направления, которое собирательно можно назвать историческим культуроведением, способна посредством изучения традиций обеспечить потребности современной научной и управленческой практики в знаниях, устанавливающих системную связь прошлого и настоящего моделируемых систем. Без таких знаний, как уже отмечалось, эффективное выявление наиболее вероятных траекторий развития данных систем невозможно.

Указанный канал включения исторического знания в процесс интегративного взаимодействия основных групп наук позволяет выявить новые и очень важные прикладные потенциалы исследования истории человечества. Актуализация этих потенциалов, несомненно, дело очень сложное. Оно, возможно, потребует наряду с существующими дисциплинами создания новых областей исторического культуроведения, вооруженных соответствующими познавательными средствами для целостного изучения динамики культурных традиций, базирующегося на пропорциональном выражении их общих и локальных компонентов и установлении существующих между ними системных комбинаций и связей. Но, можно полагать, что данная задача будет успешно решена, ибо этого настоятельно требует само существование современного человечества. В ряде областей исторического культуроведения уже заметны ощутимые процессы в этом направлении³⁴.

Современные методы исследования привели к тому, что перед специалистами сегодня начинает вырисовываться удивительно богатый, сложный и вместе с тем структурно и функционально упорядоченный мир механизмов, благодаря которым осуществляется динамика культурных традиций. Системное постижение сокровенных тайн действия этих механизмов может открыть крайне заманчивые и важные перспективы, связанные с управлением определенными аспектами процессов аккумуляции и трансформации социального опыта. Огромное значение системный анализ культурных традиций имеет для такого полиэтнического образования, как Советский Союз. Выработка методов комплексного исследования тех комбинаций, которые образуют общие социалистические традиции с локальными традициями наций и народностей нашей страны, актуальна и значима для многих сторон ее общественной жизни.

Таковы некоторые соображения о природе, функциях, основных составляющих, динамике культурных традиций и месте их исследования в современной науке и управленческой практике. Мы прекрасно осознаем неполноту данной статьи. В частности, в ней не нашли отражения некоторые интересные вопросы, относящиеся к теме. Это, например, вопросы, связанные с соотношением стереотипизации опыта и норматив-

³⁴ «Anthropology for the Future» (ed. by Demitri B. Shimkin at al.). Urbana, 1978.

... для осмысления мнениями по фундаментальным и наиболее актуальным проблемам теории стереотипизации социально организованного группового опыта людей, различные формы которого и призвано выразить понятие «культурная традиция».

KEY PROBLEMS IN THE THEORY OF CULTURAL TRADITION

The paper contains an attempt at a systems examination of the phenomenon of cultural tradition. This is interpreted as an integral form embracing all without exception kinds of socially accepted stereotyped experience accumulated, transmitted in various human groups. The main problems in the theory of cultural tradition are examined in a broad perspective of integrative interaction between social and natural sciences by systematically comparing processes of accumulation and translation of life experience in the course of sociocultural and biological evolution. Such an approach promotes better understanding of the nature of cultural tradition and its principal functions, while always taking into account the fundamental differences between the sociocultural and the biological types of organization.

The author believes that a systems analysis of the dynamics of cultural traditions makes it possible to solve the controversial problem of correlation between natural and artificial states and components in human society, as well as in self-organizing processes in general. In accordance with his point of view, the «natural» state of these processes is manifested in the group stereotypization of activity by means of selection and acceptance of any biological or cultural innovations in the course of adaptive interaction with the environment. It is these innovations, i. e. mutations and recombinations of genes on the one hand, and culturally determined creative acts on the other, that form the «artificial state» in the processes of the self-organization of life as distinct from the «accepted group stereotypes» — the «natural state» of biological populations and units of sociocultural development.

One of the paper's main propositions lies in arguing the need for transition from the ascertaining study of cultural traditions to their probability analysis. Particular attention is directed to the problem of bringing the study of the local parameter of cultural traditions in accord with the requirements of modern science. In this connection stress is laid on the great importance of solving this problem for prognostic modelling of social systems on the global and regional levels. This importance is due to the acute need for an evaluation of the historical past of the systems under investigation in prognostic modelling. It is reasonable to believe that the processes of solving this problem will pave the way to a wide-scale inclusion of historical knowledge in the common channel of integrative interaction between the social, natural and technological sciences currently taking place.

³⁵ К. С. Сарингулян. Проблемы определения и видовой классификации норм культуры.— «Философские проблемы культуры». Тбилиси, 1980.